

Беда

Сын и отец распорилиса: у них есть упадок.

— Каждой день, сын, беда: сѣдни телёнок, завтра жеребёнок...

— Это, родимой тятенька, не беда, это несчасье. Я ругаться с тобой не буду, давай ты мне седлай воронка, я поеду по белу свету, найду ле беду?

Сподоблятса, нарежатса, надеват тулуп хорошей, сапоги с калошам, отправлятса беду искать. Ездит, ездит, натакалса на старика. Сидит старик на дороге, спрашоват:

— Куда, молодец?

— Я поехал беду искать.

— Беда только-только перед тобой пробежала. Вот тут есть неподалёку три дороги, дак тебе не узнать, по которой она пробежала. Если бы я на твоём воронке и в твоём одёже, сей минуты бы иё достиг, привёз, подал тебе.

Молодец слезат с коня, сымат тулуп хорошей и сапоги с калошам, а старик снимат шабур и лапти, отдаёт ему. Старик сел и угнал. Молодец нарядилса в стару лопоть, ждет, просидел межонной день — нет старика. Захотел ись. Думат: «Но и это не беда, это омман».

Узнал, что в деревне престольной праздник, заходит в избушку на окраине — нет никого. Лежат калачи на прилавке. Он калач за пазуху — и в подполье.

Хозяйка любовничала, жила с попом. Она в тот момент доила корову, а хозяин гулял с компанией. Иё бахтёр (*гулеван*) приежжат к иё избушке. Подъехал на воронке лучче и того и ставил в потайной переулок. Заходит в комнату:

— Ну, хозяин где?

— А гулят в компании.

— Ну, дак как?..

— Нет, нельзя, я не управилась, погоди.

Погодили. Она только управилась, хозяин идёт домой, компанию ведёт. Поп говорит:

— Я куда?

— Батюшко, соскакивай в подполье.

Хозяин завёл компанию:

— Ну, давай вина.

Рядову обнесла да стакан в подпольё:

— На-ко, батюшко.

А этот подскочил, выхватил да выпил.

— Ну, батюшко, я теперь песню запою.

— Нет, не пой, вот тебе тулуп хорошей и сапоги с калошам, только не пой.

Разболкса. Вдругорядь поднесла попу и вдругорядь подскочил и стакан на лоб.

— Ну, теперь уж я запою, пьяной.

— Пожалуста, не пой.

— Да ведь у тебя и отдавать-то нечё?

— На рубаху и подштанники, только не пой.

Ишо третей стакан подала. И третей выпил.

— Теперь, батюшко, у тебя и отдавать-то нечё, я уж запою.

— Я отдам и воронка и карету, только не пой.

Опять помирились.

Молодец вылезат, по подлавичью прошёл, будто из двора, хлоп на серёдка избы:

— Здравствуй, господин хозяин с гостями! Ну, хозяин, ведь у тебя живёт в подполье кикимора. Если желашь выводить — выводи, а то мне надо ехать

вперёд.

— Желаю.

— Сичас затопляй печь, ставь чигун ведёрной воды.

Вода скипела ключом.

— Позволь ковшик.

Зачерпнул ковшик — хлоп на попа. Поп забегал.

— Ну вот, господин хозяин, жила кикимора в гнезде, я иё из гнезда выжил.

Другой ковш плеснул на другой бок. Поп ишшо пушше забегал. Третьей плеснул на брюхо, всего сварил. Попу деваться некуда, высовыват голову, вылезат, на четырёх костях ползёт, волосы долги. В дверях ишшо ковш воды на спину.

Молодец садитса на коня, приежжат домой. Отцу рассказывав

— Нет, не нашёл беды, нашёл омман.

(Зап. 26 июля 1926 г. от З. Е. Яркова, 64 г., в д. Летняя Тавдинского р-на Тюменского округа Уральской обл.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.